

Есть женщины в русских селеньях

Бога мне открыла любимая бабушка!

...Впереди был самый радостный и большой праздник – Пасха Христова! В чистый четверг на Страстной седмице дом преобразился. Пекли много куличей – с крестами и завитушками. Пока не закрыли ту церковь, что за 14 километров, носили их туда освящать. Но в школе как нарочно на Пасху всегда проводили субботник. Мне так не хотелось ходить, но бабушка говорила: «Так начальники постановили, иди и делай. А вернешься – все тебе будет – и кулич, и яичко!» И нам школьникам приходилось в радостный день праздника идти в колхозный сад окапывать яблони.

Как ждали Пасху – дух захватывало от радости ожидания. Вся деревенская ребятня больше всех праздников ждала Пасху. Сама деревня пропитывалась запахом выпекаемых куличей. Ребятня соревновалась, у кого яйцо выйдет крепче других, а по всей деревне было слышно радостное приветствие: «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!» На светлой седмице мы отправлялись в соседнюю деревню к бабушкиным родным христосоваться. А вокруг нас ликовала вся природа. Лес стоял ясный, светлый, радостный. Даже небо звенело от щебета жаворонков.

Вспоминает Прихожанка Васильевской церкви Зоя Ивановна Медведева:

Все мое детство прошло рядом с бабушкой, когда жили мы на Украине в селе Бессаловка Сумской области. Моя бабушка, Кочереженко Павла Павловна, человек удивительной судьбы. Очень трудной, но наполненной светом радости, любви и доброты. Много выпало на ее долю скорбей – война, голод и холод, а сердце осталось любящим, страдающим чужому горю и чужой боли. Все тяготы жизни она перенесла с крепкой верой в Бога. С именем Иисуса Христа поднималась утром, весь день трудилась с Его именем, ложилась вечером в постель, сотворив молитву перед иконой.

Родилась бабушка в 1912 году 12 декабря в семье потомственного земледельца. Отец ее, мой прадед, был крутого нрава. Мама ее умерла очень рано. Маленькая Павла с сестрой Марией и братом Михаилом осиротели. Вскоре отец привел в дом новую жену, и семья увеличилась на трех человек. Всем бабушка стала нянькой, такой удел старших. Мачеха была строгая. И бабушке в детстве приходилось много работать по хозяйству и с детьми. А чуть она подросла, уже помогала в поле взрослым – вручную жать, вязать и молотить пшеницу.

С обувью тогда было плохо, даже когда уже вода покрывалась льдом, босиком вытаскивали замоченный в прудах лен. Мяли, трепали, чесали его вручную.

А вечерами пряли бесконечную пряжу под старинные жалостливые песни. После на деревянном самодельном ткацком станке ткали. Многому рукоделью за жизнь научилась бабушка. Мне запомнилось, как весь Рождественский пост она ткала полотенца (рушники), а я ей помогала. Из старых рубашек и платьев, которые резались на тонкие полоски, ткали нарядные половички-дерюжки, украшали весь дом.

В замужестве бабушка прожила 8 лет. Мужа тоже звали Павел, он был хороший и работящий. Трех младенцев своих похоронила бабушка, а впереди ждала страшная война и оккупация. Как не удивиться милости и любви Божией! В 1941-м году бабушка ждала уже четвертого ребенка. Перед отъездом мужа на фронт, спросила его: «Что же мне делать?» И дед ответил: «Рожай! Может, будешь счастливой с этим ребенком!»

Дедушка так и не узнал, кто у него родился, погиб в первый год войны в концлагере где-то под Бобруйском. Оставшись вдовой, бабушка отдала всю свою жизнь дочери и ее семье. В годы войны было очень трудно. Немцы жили в их доме, но особо не лютовали. Хотя было очень голодно. Когда захватчиков прогнали, надо было налаживать разоренное войной хозяйство, страну из развалин поднимать. Приходилось работать от зари до полночи (12 – 14 часов). Растили хлеб, лен, подсолнух, добывали вручную торф. Голодали. Ходили собирать мороженую картошку, вернее, то, что от нее осталось в поле после зимы. Из этого серого крахмала пекли драмки. А еще труднее стало, когда корову забрали из дома за налог на землю – денег-то не было!

Время текло. Дочь вышла замуж. Вскоре и я родилась. Бабушка помогала маме. Когда отец мой вернулся из армии, мне исполнилось уже три годика. Родители работали в колхозе, собирали деньги на новый дом. А я хорошо помню нашу старую маленькую избу в два оконца с печкой посреди, с земляным полом, под соломенной крышей. Вместо кровати был деревянный настил, самодельный стол, а в углу – иконы с расшитыми уголками и рушниками. Горела лампадка, создавая особый уют.

Хлебнула бабушка горя в жизни, но не роптала на судьбу, рассказывала про скорби без горечи и обиды. Часто невзначай я видела ее тихие слезы, тогда спрашивала: «Почему плачете?» Она отвечала: «Да так, вспомнилось».

Помню, как ходила с бабушкой за травой, чтобы утеплять дом. Помню, как новорожденного теленка брали в избу, чтобы не замерз. Помню, как под кроватным настилом сидели гусыни в ящиках, высидившая гусят... Помню – любая работа в бабушкиных руках кипела и спорилась. Потом старую избу развалили, и отец начал строить новую. Бабушка ему помогала: носила воду, готовила раствор, была на подхвате. Сажали и свой огород в 45 соток. В посадках всегда принимала участие вся семья: и были свои картошка, лук, огурцы, помидоры, дыни, арбузы, горох, чечевица, капуста, подсолнухи... Помню, как часто бабушка полола огород, а мы ей помогали.

Бабушка говорила о себе, что неграмотная, окончила только ликбез, где выучила лишь буквы и цифры. Читать могла по слогам, но по-житейски была очень мудрая. И научила меня бабушка всему, что сама умела. Весной, летом и осенью бабушке приходилось со всем хозяйством управляться одной, родители работали в колхозе с 5 утра до 11 вечера. «В деревне весенний день два кормит», — говорила бабушка, а я только когда повзрослела, поняла значение этих слов.

Эта картина стоит перед глазами и сейчас: вставала бабушка всегда раньше солнышка, а ложилась, когда оно уже давно село. Каждое утро, покрыв голову белым платочком, начинала день с молитвы, с молитвой его и завершала. А я, сквозь утреннюю ли дрему или вечернюю, подсматривала за ней в щелочки глаз. Однажды я спросила ее о Боге. Бабушка ответила уверенно и просто, что Бог на небе с Ангелами и Архангелами, Он все о нас знает и все видит; кто любит Его и просит помощи, тем всегда помогает. Она научила меня молитве «Отче наш». Все двенадцатые праздники бабушка помнила, а какие-то высчитывала по календарям, в которых православные торжества

не отмечались никак. К этим праздникам она всегда пекла пироги, всех, кто заходил к нам, щедро угощала и одаривала печеным. На Крещение еще до солнышка ходила к колодезю по воду, говорила, что вода в этот день святая – «ее Сам Господь осылал». Этой водой она нас кропила и поила, когда мы болели.

За Крещением ожидали Сретения Господня. Бабушка говорила, что в этот день зима с весной встречается. Если будет капель, и курочка воды напьется, «то огурчик нальется», то есть будет хороший урожай по милости Божией. А потом и блины пекли на Масленицу – пышные, румяные. Готовилась бабушка к посту – долгому и строгому. Великим постом все перестирывали в доме, белили мелом стены и потолок, все чистили и протирали от пыли... В трудах и заботах приходил пост. Первую неделю поста, помню, просила я у нее сливочного масла, бабушка шутила: «В печке сгасло!» — «Так дайте салат!» И в ответ: «На дуб полезало!» А меня уговаривала: «Пост идет, потерпи немножко. За терпение Господь даст спасение!»

Бабушка была всегда спокойная, тихая, голос не повышала. Очень любила людей и мне говорила: «Живи мирно. Никого не обижай ни словом, ни делом, если даже тебя будут ругать незаслуженно». Благодаря моей любимой бабушке вся радость жизни христианской не прошла мимо моей души: Пасха Христова... Радоница... Вознесение... Троица... И каждый праздник непонятная тихая радость переполняла сердце. Хотелось бесконечно нежиться на душистой зеленой траве и уноситься мыслями далеко-далеко – в небо. Туда, где ждет своих чад милостивый Покровитель и заботливый Отец. Верю, что где-то там и моя любимая бабушка Павла. Я бесконечно благодарна Богу, что рядом со мной так долго жил такой прекрасной души человек.

Перед смертью бабушка говорила: «Умирать не страшно. Надеюсь на милость Божию ко мне грешной». После смерти бабушки случалось мне сбиваться с правильного пути. И тогда она так часто начинала мне снится, словно хотела уберечь или предостеречь. А недавно, в день поминовения усопших на панихиде, когда запели «вечную память», вдруг явственно я ощутила удивительную радость от ее присутствия рядом со мной!!! Упокой Господи, ее светлую душу!

Слово «Пасха» означает «прехождение». Назван же так этот праздник, торжественнейший из праздников, в ветхозаветной Церкви — в воспоминание исхода сынов Израилевых из Египта и вместе с тем избавления их от рабства. А в Церкви новозаветной — в честь того, что Сам Сын Божий, через Воскресение из мертвых, перешел от мира сего к Отцу Небесному, от земли на Небо, освободив нас от вечной смерти и рабства врагу, даровав нам «власть быть чадами Божиими» (Ин. 1, 12).

Святой Амвросий Медиоланский

Пасху жду, как Самого Христа!

(Прихожане славят Христово Воскресение)

Продолжение, начало на стр. 1

Зоя Ивановна Медведева: Пасха для меня всегда радость. Душа наполняется ожиданием чего-то такого необыкновенного, чудесного. И вот когда мы все в храм приходим, а храм украшен, вокруг — множество куличей красивых, яиц крашенных и вся атмосфера вокруг необычная. В этот момент в душу входит что-то непонятное, светлое. Такое ощущение, что ты сама даже растворяешься как в воздухе, тела не чувствуешь. И дети всегда ждали и ждут, любил и любят этот праздник.

Валентина Кузьминична Каверина: Пасха с самого детства моего — ожидание чудесной радости, большого праздника. Помню, мама моя перед ней ездила в Москву, чтобы ткань подобрать, пошить новые платьица. И сам праздник я всегда жду, как Самого Христа! Это самый радостный праздник.

Александра Федоровна Масякина: Все праздники праздничные, а Пасха — всегда особенная. В детстве я даже за 20 километров ходила пешком, чтобы посвятить кулич. А мама готовила дома праздничный стол. И вот мы, бывало, постом утром, посвящая нам паски и в час отправлялись домой. К восьми утра уже возвращались домой, чтобы разговеться. А когда с девочками, помню, идем по дороге, чего-нибудь поем хором — обязательно Христа славим. А как до дому доберемся, нас уже крашенные яички ждут, творог, холодец. А на душе хорошо и празднично.

Людмила Михайловна Шкильная: Вот когда в Васильевском стали восстанавливать церковь, я стала трудиться при храме. Внучка моя очень любит ходить со мной на Пасхальную службу. Смотрю, вроде удала, говорю ей: «Маша, иди домой, отдохни!» «Нет, — отвечает, — мне здесь хорошо, никуда не пойду!» Пасха для нас всегда большая радость.

Валентина Николаевна Колева: Раньше мы всегда работали на Пасху. И так это было неприятно, потому что мы не чувствовали по-настоящему этот праздник. Помню, дети мои храм не посещали, но ходили на Пасхальный Крестный ход. Возвращались и радостно мне говорили: «Мам, мы обошли весь храм, у нас даже не погасла свеча!» Им это было так радостно и удивительно. Ну а мы, конечно, хоть и не ходили в храм, но как-то перед Пасхой все стирали, мыли, убирали, чистили. И все равно в душе у каждого было какое-то просветление. А сейчас храм открыт. И Пасха — праздник веселый, радостный, но, когда слышу: «Христос воскрес!» — всегда плачу. Сама себе говорю: «Не плачь!» А в душе что-то поднимается такое — выше моих сил — и плачу. Это приветствие такое чудесное: «Христос воскрес!!!»